

А. Б. Летучий

ОБОБЩЕНИЯ, ОРИЕНТИРОВАННЫЕ НА ИСХОДНУЮ ТОЧКУ VS. НА ПРОДУКТ, В СИНТАКСИСЕ¹

1. Введение

В 1995 г. Джоан Байби [Bybee 1995] ввела пару понятий, которые она обозначила терминами «product-oriented generalizations» (обобщения, ориентированные на продукт деривации) и «source-oriented generalizations» (обобщения, ориентированные на источник / исходную точку деривации). Речь шла о следующем.

Часть морфологических процессов, применяясь к исходным единицам (например, глагольной основе), воздействуют на них либо всегда одинаково, либо несколькими способами, выбор одного из которых полностью мотивирован свойствами исходной единицы. Например, пассивизация (если иметь в виду тип с пассивным причастием) всегда преобразует основу переходного глагола типа *построить* в пассивную форму, представляющую собой сочетание глагола *быть* с кратким пассивным причастием (*был построен*). К таким процессам применяется термин «source-oriented generalizations». Имеется в виду, что информация об исходной единице всегда позволяет однозначно судить о том, какой будет производная. Тип преобразования и, соответственно, свойства производной единицы зависят от свойства исходной. Например, форма родительного падежа существительного в русском языке легко высчитывается, исходя из начальной формы слова (формы именительного падежа единственного числа). Например, слова с основой на твёрдый согласный и начальной формой типа *рука* имеют родительный на *-и* (*руки*), а слова с исходной формой с нулевым окончанием (*дом*) – родительный на *-а* (*дома*).

¹ Исследование финансировалось из средств гранта Президента РФ для молодых учёных-кандидатов наук МК-3522.2010.6.

Требования, налагаемые языковой системой, связаны именно с источником деривации (основой / исходной формой).

Однако есть и другие типы преобразований, при которых некоторый механизм по-разному действует на разные исходные единицы. Возьмём для примера арабское ломаное (неправильное) множественное число². Если представить общий тип образования множественного числа как схему гласных и согласных, одной из моделей ломаного множественного являются 'aC1āC2īC3u и 'aC1āC2iC3u (где C1, C2 и C3 – три любые согласные). Данные типы множественного, среди прочих, образуют и слова, у которых исходно в основе был ещё один согласный, отсутствующий во множественном числе. Например, в слове 'andalʔbun 'соловей' (множ. 'anādilu) есть согласный b, исчезающий во множественном числе. Напротив, в других словах состав согласных не меняется.

Это, однако, вовсе не означает, что мы вообще не имеем дело с единым морфологическим механизмом. Просто общим для всех случаев применения преобразования является его результат. Например, указанный тип плюрализации в арабском языке ориентирован на **вид формы множественного числа**: в частности, действует правило, что во множественном числе рассматриваемого типа не может быть более трёх корневых согласных. Дж. Байби применяет к таким процессам термин «правила, ориентированные на продукт» («product-oriented»). Морфологическая техника всегда создаёт продукт требуемого типа, но для этого к разным исходным основам требуется применить немного разные преобразования.

Введённые Дж. Байби понятия позднее широко обсуждались и использовались в разных областях лингвистики. Например, в работах [Karachinsky 2008a, 2008b, 2009, 2010] предлагается экспериментальное

² Данный термин применяется к моделям, в которых множественное число маркируется трансфиксами, а не суффиксами.

обоснование данного различия. Автор показывает, что тесты на восприятие носителей языка выявляют их чувствительность к обоим типам правил. М. Бекер и М. Гуськова [Becker, Gouskova 2012], Б. Смит [Smith 2013] применяют понятие *product-oriented generalization* к фонологическим процессам. Т. Нессет [Nesset 2008] применяет это же понятие к суффиксации в русских глаголах, т. е. к явлению, которое ранее не рассматривалось в рамках подхода Дж. Байби.

В данной статье мы хотели бы применить понятия Дж. Байби к синтаксическим процессам. Мы постараемся показать, что и для синтаксиса полезно различение понятий «*source-oriented generalizations*» и «*product-oriented generalizations*». Этот вопрос не является праздным – сопоставить между собой синтаксические преобразования и синтаксические конструкции гораздо труднее, чем морфологические единицы. Это связано с тем, что в синтаксисе гораздо больше вариативность выражения значимых элементов – в том числе гораздо больше распространены конструкции с невыраженными компонентами.

Наш материал взят, прежде всего, из русского языка. Мы сосредоточимся на актантных деривациях, то есть на преобразованиях, затрагивающих набор актантов глагола, способы их выражения и соотношения между актантами.

Статья организована следующим образом. В части 2 очерчивается круг рассматриваемых явлений. В части 3 поясняется, как применяется к актантным преобразованиям оппозиция, введенная Дж. Байби (ориентация на источник vs. на продукт деривации). Часть 4 – центральная и самая объёмная – посвящена анализу конкретных деривационных механизмов русского языка. В части 5 показано, что используемая оппозиция полезна и для анализа синтаксических преобразований в других языках. В части 6 мы пытаемся ответить на вопрос, зачем нужны языку и почему возникают оба типа актантных преобразований. Наконец, в седьмой части подводятся итоги исследования.

2. Предмет исследования

Как уже было сказано, актантные деривации – это регулярные преобразования, затрагивающие актанты глагола. Ещё в 1970-е годы лингвисты задались целью исчислить возможные преобразования такого рода (см., например, [Мельчук, Холодович 1970])³. Во многих более поздних работах, например [Плунгян 2001], внутри класса преобразований, рассматриваемых Мельчуком и Холодовичем, выделены **актантные деривации** и **залог**: залог, в отличие от дериваций, не влияет на семантические свойства актантов и их количество. Одновременно сходные исследования проводились и в западной лингвистике, см. [Shopen 1993], и продолжают до сих пор [Klaiman 2005].

Чаще всего в упомянутых работах подразумевается (правда, только имплицитно), что в качестве показателей дериваций рассматриваются именно специализированные показатели. Гораздо меньше внимание уделяется неспециализированным единицам, чья основная функция – не изменение актантной структуры или не только оно. Так, глагольные приставки чаще всего имеют две функции: они изменяют свойства актантов глагола и свойства самой ситуации (например, приставка *до-* при глаголе *идти* одновременно делает глагол сильно предельным из неопредельного и добавляет обязательный актант со значением конечной точки, вводимый предлогом *до*).

Мы будем рассматривать преобразования, затрагивающие актантную структуру глагола, независимо от формальных средств: преобразования, при которых изменение синтаксических свойств глагола сопровождается добавлением префиксов, постфикса *-ся*, сочетания приставок и постфикса, а также немаркированные синтаксические преобразования (например, превращение переходного глагола – *мчать* во фразе *Поезд мчал*

³ Для этого периода вообще было характерно внимание к исчислениям языковых единиц. Актантные деривации (в терминах того времени – залог) идеально подходят для этой цели в силу своей сравнительной малочисленности, которая, в свою очередь, связана с тем, что глагол достаточно редко имеет более трёх актантов.

нас на юг – в непереходный – *Мы мчали на поезде на юг*) и т. д. В частности, для нашего подхода удобно считать, что приставка *про-* в *пробёгал два часа* – показатель повышающей деривации (временной сирконстант глагола *бегать* при деривате становится обязательным актантом); циркумфикс *до-...-ся* в *Он доподписывался до того, что его посадили* (ср. *Он подписывал все документы не глядя*) маркирует понижающую деривацию, поскольку прямой объект глагола *подписывать* теряет способность выражаться. В то же время мы не отрицаем, что те же показатели вносят новые компоненты и в семантику глагола: *до-...-ся* выражает каузальные отношения между ситуациями, *про-* обозначает продолжительность ситуации.

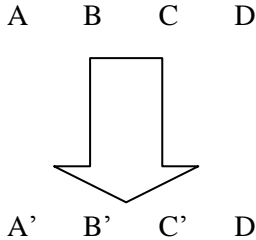
Наша идея состоит в том, что в сфере синтаксиса – и, в частности, актантных преобразований – некоторые механизмы организованы вокруг «продукта» (т. е. приводят – возможно, совершенно разными способами – к одной формальной структуре). Другие преобразования, напротив, построены вокруг «источника» и процесса деривации (иначе говоря, они всегда производят одинаковые изменения в синтаксических свойствах глагола). Для некоторых же процессов требуется комбинировать два подхода.

3. Противопоставление процессов, ориентированных на источник и процессов, ориентированных на продукт, в сфере актантных преобразований

Как правило, деривация понимается как преобразование, образующее производный глагол некоторого класса V2 из исходного, принадлежащего к классу V1. Рассмотрим, например, декаузативацию в русском языке. Она применяется к переходному глаголу (*разбить, склеить, сломать*) и образует от него непереходный (*разбиться, склеиться, сломаться*). Дериват всегда имеет субъект-пациенс и обозначает спонтанное изменение состояния пациенса.

Такое преобразование можно изобразить на следующей схеме:

Схема 1. Механизм, ориентированный на исходную точку деривации (“source-oriented generalization”).

Иначе говоря, декаузатив всегда преобразует актантную структуру и семантику глагола одинаково; класс переходных глаголов с агентивным субъектом отображается в класс непереходных пациентивных глаголов. Все глаголы, к которым декаузативное прочтение *-ся* применяется, переходят из первого класса во второй. При этом как раз свойства продукта не вполне однородны: например, декаузативные дериваты различаются наличием vs. отсутствием косвенного дополнения. Это связано с тем, что декаузативация не сопряжена ни с какими побочными изменениями актантной структуры. Например, если у глагола, помимо субъекта-агенса и прямого объекта-пациенса, есть другие актанты или сирконстанты, при декаузативации они обычно сохраняются (2b), а если их нет, они и не добавляются (1b):

- (1) а. *Я разбил чашку.*
 б. *Чашка разбилась.*
- (2) а. *Вася приклеил бумажку к тетрадке.*
 б. *Бумажка приклеилась к тетрадке.*

Однако существуют преобразования, действующие несколько по-другому. Рассмотрим, например, деривацию со значением ‘действия, приводящего к некоторым последствиям’, обозначаемую циркумфиксом *до-...-ся* (подробнее см. [Мельчук 1985, Kulikov, Sumbatova 1993]):

- (3) *Потом он вновь попытался открыть наручники и дооткрывался до того, что ключ вообще застрял в замке.*
 [www.cofe.ru/apple/article.asp?heading=13&article=5021]
- (4) *Все, доотправлялся - уже писать с ошибками стал.*
 [forums.airbase.ru...]

(5) *Мэр Королёва доработался до уголовного дела.*
[dom.ru/articles?date=2009-05&page=20]

(6) *Подарками не отделаешься. Я дарил-дарил своей, и додарился.* [www.mos-training.ru...]

Легко заметить, что исходный глагол может быть переходным двухвалентным (3), (4), непереходным (5), переходным трёхвалентным (6). Однако дериват уже не допускает выражения никаких исходных актантов, кроме субъекта:

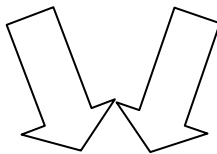
(7) **Я доотправлялся писем / письма [до того, что руки отваливались].*

(8) **Он додарился своей жене цветов [до того, что у него не осталось денег].*

Тем самым, продукт этой деривации – всегда двухвалентный глагол (вторым актантом становится Последствие, выражаемое группой с предлогом «до»). Хотя в семантических терминах описать данное преобразование легко, синтаксическое описание для него будет совсем другим, чем для декаузатива:

Схема 2. Преобразование типа до-...-ся.

А В С D

Е

Конкретные синтаксические механизмы деривации различны для разных глаголов. Однако синтаксический продукт деривации – всегда один и тот же (двухвалентный непереходный глагол).

Конечно, можно говорить, что при разных глаголах имеют место различные деривации. Но есть основания предполагать, что такого рода ситуацию удобно описывать прежде всего не через

деривационный механизм, а через конечный продукт деривации. Этих оснований два. Во-первых, описание с помощью правила, ориентированного на продукт, выявляет единство преобразований исходных единиц, тогда как описание, ориентированное на источник, это единство упускает и представляет сходные случаи деривации как несколько разных, хотя и близких по функции механизмов. Во-вторых, поскольку говорящие на языке экономят свои усилия, логично предположить, что они ориентируются на единый вид производной единицы, а не запоминают точный механизм деривации для каждого конкретного случая.

Безусловно, важный вопрос – **почему**, собственно, при деривации с показателем *до-...-ся* актанты (помимо Агенса и Последствия) при производном глаголе не выражаются или выражаются крайне редко. Как кажется, причин две и они тесно связаны между собой. Во-первых, актанты исходного глагола, как правило, упомянуты в предтексте (обычно сначала говорится о факте совершения некоторого действия, а потом уже утверждается, что оно имело негативные последствия для Агенса). Во-вторых, в центре внимания при употреблении деривата на *до-...-ся* находятся именно последствия (что произошло из-за того, что мужчина дарил женщине цветы), а не сами цветы.

Отметим, что понятие деривации, ориентированной на продукт, можно переформулировать в терминах **некомпозициональности** производной конструкции. Правда, эта некомпозициональность – синтаксическая, а не семантическая. Мы определяем её так:

производная конструкция **синтаксически некомпозициональна (идиоматична)**, если для разных глаголов соотношение исходных синтаксических свойств глагола и производных свойств, составляющих механизм деривации, различно, и в связи с этим невозможно естественным образом единообразно описать имевшую место деривацию как ориентированную на источник.

В деривации, ориентированной на продукт, невозможно естественным образом выделить единое преобразование или группу преобразований, предсказуемых из свойств исходной

единицы. Это связано с тем, что механизм и остаток исходной модели управления различны для разных глаголов. Тем самым, можно сказать, что деривации, ориентированные на продукт, в нашем понимании синтаксически идиоматичны.

В этом смысле они близки к **конструкциям** в смысле грамматики конструкций [Fillmore et al. 1988; Goldberg 1995; Voas 2008; Voas to appear]. Признавая синтаксические процессы, ориентированные на результат, мы тем самым не можем придерживаться строго деривационного подхода и считать, что любая структура может быть тривиальным (и единственным для большого класса случаев) способом сведения к некоторой исходной.

Наш подход является промежуточным между строго деривационным (см., например, [Pinker 1991; Levin 1993; Levin, Rappaport Hovav 1995; Shibatani (ed.) 2002; Comrie & Polinsky (eds.) 1993]) и строго конструкциональным ([Fillmore et al. 1988; Goldberg 1995; Voas 2008; Voas to appear]). Мы не считаем, что в языке существуют только механизмы, ориентированные на источник, или только механизмы, ориентированные на продукт. Более того, мы не предполагаем, что один из аппаратов описания более важен или удобен для языка в целом. Наша точка зрения состоит в том, что для отдельно взятого языкового явления может быть более значима либо одна, либо другая составляющая – соответственно, как один, так и другой тип обобщения может оказаться удобным для описания.

Ниже, в части 4, мы рассмотрим конкретные примеры актантных преобразований в русском языке, для которых удобен один или другой способ описания. Кроме того, будет показано, что для одного и того же процесса часто нужны оба типа правил: и ориентированные на источник, и ориентированные на продукт.

4. Конкретные примеры преобразований, ориентированных на источник и на продукт

4.1. Связь типа обобщения с рассматриваемым материалом

В этой части статьи мы покажем, что выбор того или иного способа описания в значительной мере зависит от того, на каком материале и каким способом мы выполняем исследование.

Так, в русском языке существует любопытная конструкция угрозы *Я тебе спою*. К модели управления исходного глагола в ней добавляется субъект речи, а исходное подлежащее вытесняется в позицию непрямого объекта (см. [Мельчук 1995; Летучий 2007]):

Исходная конструкция: *Вася поёт песню*

Конструкция угрозы: *Я ему спою (песню)*

Носители русского языка принимают не только предложения типа (9), где исходный глагол является одновалентным, но также (10), где исходный глагол двухвалентный, но его косвенное предложное дополнение не выражается, и (11), где дополнение выражено:

(9) *Я ему приду!*

(10) *Я ему поиздеваюсь!*

(11) *Я ему поиздеваюсь над своей женой!*

Если опираться на эти данные, то можно говорить, что мы имеем дело с деривацией. Все глаголы в конструкции угрозы преобразуются одинаковым образом: исходное подлежащее вытесняется в позицию дативного дополнения, место подлежащего занимает субъект угрозы (*я* или *мы*). Остальные актанты не претерпевают никаких изменений – тем самым, мы имеем дело с деривацией, аналогичной каузативу.⁴

Однако в реальном употреблении встречаются только конструкции типа (9) и (10), включающие подлежащее, не прямой объект и глагол. Если мы принимаем во внимание не потенциально возможные предложения, а реальный корпусной материал, то более обоснованным кажется говорить об обобщении, ориентированном на продукт: вне зависимости от исходной структуры глагола, производная структура содержит одни и те же элементы.

Здесь нужно оговориться, что выбор обобщения, ориентированного на источник vs. на продукт, иногда в большой

⁴ См. также работу [Воейкова 2012] с описанием других свойств той же конструкции, не связанных напрямую с актантной деривацией.

мере продиктован удобством, системностью и естественностью описания. Практически всегда можно сформулировать некоторое правило в разных терминах.

4.2. *Ориентация на источник и на продукт при описании объектов разной общности*

Приведём ещё один случай, когда применяться могут оба типа обобщений, а выбор одного из них во многом связан с удобством описания. В зависимости от того, широкий или узкий класс явлений (механизм или целая группа механизмов) сопоставляется, в рассматриваемой области языка могут выделяться разные правила.

Примером такой области, допускающей множественные методы рассмотрения, могут служить употребления приставки *раз-*. Она имеет большое количество употреблений. Если описывать каждое из них изолированно, может быть полезен подход от источника деривации. Приведём только некоторые примеры.

1. ‘отмена ситуации’: актантная структура не меняется

В трёх случаях: *разлюбить*, *расхотеть* и *разубедить* – *раз-* имеет значение прекращения ситуации, обозначаемой исходным глаголом (*разлюбить* ‘перестать любить’, *расхотеть* ‘перестать хотеть’), или ситуации, обратной обозначаемой исходным глаголом (*разубедить* ‘совершить действие, обратное ‘убедить’’):

(12) *Иван любил Машу, но потом разлюбил.*

(13) *Васю кто-то убедил, что его работы никуда не годятся, но я его разубедил.*

В этом употреблении актантные свойства глагола не меняются.

2. ‘интенсивное восприятие’: добавляется прямой объект

В значении интенсивного восприятия к глаголам *смотреть* и *глядеть* косвенный объект повышается в статусе до прямого:

(14) *Мы долго рассматривали эту картину* (ср. исходное *Мы смотрели на эту картину*).

В данном случае происходит преобразование, близкое по типу к аппликативу⁵.

3. ‘разнонаправленное движение’: добавляется показатель *-ся*, актантная структура не меняется

Данное значение обязательно маркируется именно сочетанием показателей *раз-* и *-ся*⁶. При этом глагол движения сохраняет свою валентную структуру. Например, дериваты от глаголов *идти* в (15) или *бежать* в (16) остаются одновалентными с целевым сирконстантом:

(15) *Мы разошлись в разные стороны.*

(16) *Все разбежались по домам.*

Впрочем, меняется выражение периферийных участников. Стандартным является выражение конечной точки группой с предлогом *по* — для исходных глаголов этот способ нельзя считать стандартным:

(17) *Птенцы разлетелись по разным странам.*

(18) ^{??}*Птенцы летят по разным странам* (если этот пример и возможен, то предложная группа *по разным странам* обозначает путь следования, а не Цель).

Все три данных значения удобнее описывать в русле обобщений, ориентированных на источник деривации. Зная свойства исходного глагола и значение приставки, можно предсказать синтаксические характеристики деривата на *раз-*.

В то же время употребление в значении ‘начало интенсивного действия’ явно организовано вокруг конечного продукта деривации:

⁵ Глаголы *смотреть* и (реже) *глядеть* имеют и переходное употребление типа *Ты уже смотрел этот фильм?* Однако с объектами типа *картина* они обычно непереходны, поэтому и имеет смысл считать, что прямой объект появляется в структуре именно благодаря приставке.

⁶ В данной работе мы не ставим вопрос о том, являются такие сочетания единичными циркумфиксами или сочетаниями приставки с возвратным постфиксом.

- (19) *Ребёнок расплакался и долго не мог успокоиться.*
- (20) *Нубик, ты чего тут распосылался, а? Сделай себе сервер дома и оттуда посылай кого угодно куда хошь.*
[forum.theabyss.ru...]
- (21) *Дядь Коля, а ты чего вдруг распродался?* [Интернет]
- (22) *Вначале дело шло медленно, потом я расписался.*

В (19) исходный глагол является непереходным, в (20) и (21) – переходным, в (22) допускает обе возможности. Продуктом деривации всегда будет непереходный глагол (впрочем, со строго переходными основами этот циркумфикс употребляется сравнительно редко). Чаще всего конечный глагол является одновалентным, однако встречаются употребления типа *размахался руками*.

Разумеется, мы не исчерпали всех употреблений приставки: в частности, существуют и другие случаи, помимо уничтожения исходного состояния (см. пункт 1), когда *раз-* не меняет актантной структуры глагола. Кроме того, имеются особого рода «каузативные» употребления типа *говорить – разговорить* (*Он вначале стеснялся, но потом мы его разговорили*), где к модели управления исходного глагола добавляется новый агенс.

В то же время существенно, что, помимо описания конкретных значений, у нас может быть более общая цель. Полезно описать свойства приставки, объединяющие все употребления. При всей разнородности значений префиксов (см. [Кронгауз 1998], [Добрушина, Пайар 2001]) именно у приставки *раз-* такое свойство есть: все глаголы на *раз-* либо переходны, либо возвратны⁷.

Естественно, описать это свойство в терминах дериваций, ориентированных на модель-источник, невозможно. Как мы видели, преобразования, выражаемые *раз-*, очень различны и синтаксически, и семантически. В частности, при разных глаголах различается роль прямого объекта. Тем самым, формулировки вроде «деривация добавляет к глаголу прямой

⁷ Исключение составляет небольшая группа дериватов с суффиксом *-ива-*: *расхаживать, разгуливать*.

объект» или «выражение пациенса становится обязательным» применимы только к части значений.

Напротив, подход, ориентированный на продукт деривации, позволяет сформулировать данное свойство: **любая деривация с помощью приставки *раз-* должна образовывать переходный или возвратный глагол**. Тем самым, при любом употреблении приставки имеется ограничение на конечный продукт, которое должно быть выполнено любым способом. В частности, этим объясняется несочетаемость некоторых значений с определёнными глаголами: например, при возможных формах *разыскать* или *рассмотреть* дериваты *разлететь* или *разойти* (например, в значении ‘лететь, и в результате достигнуть цели полёта’, ‘дойти до цели’, ‘разлететься в разные стороны’) неграмматичны, так как данные глаголы (без возвратного постфикса) были бы непереходны. Отметим, что невозможность образования переходных глаголов *разлететь* или *разойти* в **каузативном** понимании (‘сделать так, чтобы кто-либо разлетелся / разошёлся’) требует отдельного объяснения.

4.3. Приставка про-

В преобразованиях, маркируемых приставкой *про-*, также сочетаются деривационные и конструкционные механизмы. С одной стороны, временное употребление – деривация, ориентированная на источник: к модели управления глагола добавляется аккузативный объект с временным значением:

(23) *Я проносил армейскую форму всего два месяца.*

(24) *Мы прожили в пансионате неделю.*

У исходного глагола ядерного аргумента с временным значением нет: в предложениях типа *Я сидел там четыре часа* группа *четыре часа* является не дополнением, а факультативным обстоятельством.

Отметим, впрочем, что при приставке *про-* картину осложняет неоднородность самих дериватов – а именно, разное поведение аккузативных объектов при разных глаголах. К примеру, от глагола *прожить* (но не от *просидеть*) в литературном языке образуется пассивная конструкция –

следовательно, именно объект глагола *прожить* имеет свойства канонического прямого дополнения.

(25) *Неделя, прожитая в пансионате, была чудесной.*

(26) **Два часа, просиженные в очереди, были очень скучными.*

В то же время значения группы ‘полное покрытие объекта ситуацией’, ‘проникновение объекта сквозь другой объект’ требует описания в терминах продукта деривации. В этом значении, как и в предыдущем, приставка сочетается и с переходными, и с непереходными глаголами. Аргумент, вводимый приставкой, может быть периферийным актантом, как в (27) и (28) (ср. *Мальши писает на матрас*) или прямым объектом, как в (29). Однако существенно, что двух аккузативных групп, как при предыдущем употреблении, никогда не возникает, независимо от актантной структуры исходного глагола:

(27) *В три часа дня я уже топал по городу – Мы вышли в городок, причем весьма быстро, я же, по незнанию, протопал весь аэродром по пути в диспетчерскую.* [www.proza.ru/2013/06/10/469].

(28) *Мы простыни кладём на матрас, чтобы мальши его не прописал* *насквозь.*
[hrustalerki.narod.ru/utills/rasskaz/kac.htm]

(29) *Я жарю мясо – Как прожарить мясо, чтобы оно таяло во рту?* [www.marketgid.com/pnews/1167138/].

4.4. Постфикс *-ся*, ориентация на источник и на продукт

4.4.1. *Различные свойства употреблений.* Употребления постфикса *-ся* проявляют разные свойства в рассматриваемом аспекте (см. об ориентации на источник и на продукт при образовании возвратных глаголов [Сай 2010], где, однако, в большей мере рассматриваются семантические, а не синтаксические свойства глаголов).

Возможным критерием различения тех употреблений *-ся*, которые удобно описывать как ориентированные на источник (схема 1), и тех, для которых следует говорить об ориентации на продукт (схема 2), является возможность / невозможность для

преобразования, маркируемого постфиксом *-ся*, второй раз применяться в том или ином употреблении к возвратным глаголам. Если преобразование является деривацией, то это должно быть невозможно. По общему правилу деривации, ориентированной на источник, постфикс должен быть применён к глаголу второй раз – так как это невозможно, деривация должна запрещаться.

В действительности это предсказание оправдывается при модальных дериватах от непереходных глаголов:

- (30) а. *Мне не плачется.*
- b. *Мне не хохочется.*
- c. *??? Мне не смеётся.*
- d. *Как тебе работается?*
- e. *? Как тебе учится?*

Примеры типа *Мне не смеётся* встречаются в Интернете, но выглядят менее приемлемыми, чем предложения типа *Мне не хохочется*, где исходный глагол не возвратный.

Неграмматичность (или, во всяком случае, неполную грамматичность) (30с) и (30е) можно объяснить только тем, что исходные глаголы уже являются возвратными. Ни их семантика, ни актантная структура не мешает им образовывать модальные дериваты.

Остальные употребления *-ся* проверить по этому критерию нельзя: как правило, они сочетаются только с переходными глаголами. Что же касается циркумфиксов, содержащих *-ся*, то они ведут себя по-другому (в большей мере ориентированы на продукт):

- (31) *Он рассмеялся / расхохотался / расплакался.*
- (32) *В тот день мы вдоволь насмеялись / нахохотались.*
- (33) *Я уже на сегодня наработался.*
- (34) *Он уже этим назанимался.*

Присоединение циркумфикса возможно независимо от возвратности глагола⁸. Если глагол не возвратный, то присоединяется *-ся*, если возвратный, то *-ся*, конечно, второй раз не появляется. Иначе говоря, все непереходные глаголы приводятся к одному стандарту – непереходному возвратному глаголу с циркумфиксом, то есть ограничение навязывается конструкцией. Как говорилось выше, чем более синтаксично преобразование, тем более вероятно, что оно будет **ориентировано на источник деривации** – и наоборот, если вклад преобразования в семантику велик, оно склонно быть **ориентированным на продукт**. Семантически циркумфиксы типа *на-...-ся* или *раз-...-ся* вносят больший вклад в семантику глагола, чем *-ся* в значении модального пассива. В частности, циркумфиксы несут в себе специфическое значение интенсивности (*на-...-ся*, *раз-...-ся*) или последствия ситуации (*до-...-ся*).

4.4.2. *Маркирование исходного подлежащего в конструкциях*. Правила, ориентированные на продукт и на источник, сочетаются и в маркировании исходного подлежащего в возвратных (в частности, модально-пассивных).

Н. А. Янко-Триницкая [Янко-Триницкая 1967], Ю. П. Князев [Князев 2007], Н. Герритсен [Gerritsen 1990] и другие отмечают наличие в русском языке двух возвратных конструкций с модально-пассивным значением:

(35) *Мне не работается.*

(36) *У меня дверь не запирается.*

С пассивом обе конструкции роднит то, что они понижают синтаксический статус исходного подлежащего, но (в отличие от декаузатива) не выводят его из поля зрения говорящего полностью. Обе конструкции, в противоположность собственно пассиву типа *Дом строится рабочими*, несут модальный компонент значения, который можно примерно сформулировать

⁸ Можно было бы возразить, что в составе циркумфиксов *-ся* может и не иметь тех же свойств, что в автономном употреблении. Однако, судя по всему, релевантные для нас свойства совпадают: второе *-ся* не может присоединяться даже в составе циркумфикса.

как ‘возникновение ситуации возможно / невозможно или имеет другие характеристики, независимые от воли говорящего’. Однако в рассматриваемых работах практически не ставится вопрос о соотношении этих двух конструкций между собой.

Кажется естественным предположить, что различает эти конструкции, прежде всего, переходность исходного глагола. Исходный субъект выражается ИГ в дательном падеже, если глагол непереходный (например, *работать*), и сочетанием с предлогом *у*, если он переходный (например, *запирать*). В этом случае нужно говорить, что деривация ориентирована на источник. От глагола со строго определёнными синтаксическими свойствами предсказуемым образом строится модально-пассивная конструкция.

Однако в разговорном языке ситуация оказывается сложнее. Если при непереходном глаголе модальный пассив должен обозначать не внутреннюю возможность, связанную со свойствами субъекта, а внешнюю, связанную со свойствами окружающего мира, то употребляется именно группа с предлогом *у*, а не дательный падеж:

(37) *Люди!!!помогите!!! У меня не заходится в контакт(((выскакивает какая то фигня, и в яндексе тоже не заходится [<http://otvet.mail.ru/question/24859111/>].*

Хотя пример (37) из интернет-коммуникации вряд ли можно считать нормативным с точки зрения литературного языка, существенно, что замена *у меня* на *мне* изменила бы смысл предложения (точнее, сделала бы его прагматически бессмысленным). Отрывок означал бы, что говорящий по некоторым внутренним, субъективным причинам не хочет или не может открыть интернет-страницу.

В свете этих данных в разговорном языке сомнительна трактовка модального пассива как преобразования, однозначно ориентированного на источник деривации. Один из параметров (способ выражения исходного подлежащего) ориентирован на продукт. Оказывается, что группа с *у* может появляться при образовании модального пассива и от переходных, и от непереходных глаголов: способ кодирования исходного

подлежащего выбирается в зависимости от семантики производной конструкции.

4.5. Ориентация на продукт деривации и лабильность глаголов

Выше мы обсуждали только случаи, когда можно говорить о **преобразовании** актантной структуры: одна из структур в том или ином смысле более маркирована, чем другая, и является производной. Однако похожее противопоставление релевантно для тех случаев вариативности, когда определить, какая из структур является первичной, вообще затруднительно.

Мы говорим о лабильных глаголах – классе глаголов, способных выступать как переходные или непереходные без изменения формы. Широко изученные для английского (см. [Levin 1993; Levin, Rapoport Novav 1995; McMillion 2004]) и ряда других языков, эти глаголы существуют и в русском языке (см., например, [Летучий 2006]), хотя и являются маргинальными.

В языках с развитой лабильностью, например, в английском, существуют пары глаголов типа break ‘разбить’ (переходный; ср. John broke a cup ‘Джон разбил чашку’) vs. break ‘разбиться’ (непереходный; ср. The cup broke ‘Чашка разбилась’); close ‘закрыть’ (переходный; ср. John closed the door ‘Джон закрыл дверь’) vs. close ‘закрыться’ (непереходный; ср. The door closed ‘Дверь закрылась’). Соотношения в этих парах в английском языке и других языках, где лабильных глаголов много, регулярны и похожи на соотношения между исходным глаголом и производным глаголом (результатом актантной деривации): в приведённых примерах непереходные употребления лабильных глаголов по значению напоминают декаузативы.

Напротив, в языках типа русского, где лабильных глаголов мало, ситуация может быть сложнее. Если лабильными является только несколько лексем, это означает, что лабильность либо не подчиняется никаким тенденциям и правилам, либо эти правила очень тесно связаны с индивидуальными особенностями отдельных лексем. Как показывает русский материал, иногда они могут формулироваться именно в терминах конструкций, а не дериваций.

Рассмотрим русские лабильные глаголы *катить*, *высыпать*, *кружить*, *мчать*, *двигать* и другие. В переходных употреблениях они обозначают движение, но актант, совершающий движение, обладает разными свойствами: в одних случаях (*катить*, *высыпать*, см. примеры (38а), (39а)) он неодушевлённый, в других (*кружить*, ср. (40аб)) может быть либо одушевлённым, либо неодушевлённым, есть, наконец, случаи, когда объект чаще всего одушевлённый (*мчать*, (41а)):

- (38) а. *Девочка катит мяч.*
б. *По улице катит красивый автомобиль.*
- (39) а. *Я высыпал картошку из мешка.*
б. *На улицу высыпали люди.*
- (40) а. *Мужчина кружил свою даму в танце.*
б. *Ветер кружил над улицей сухие листья.*
с. *Над улицей кружили листья.*
- (41) а. *Поезд уже мчал нас на юг.*
б. *Мы уже мчали на юг⁹.*

При этом, интересным образом, непереходные употребления более однородны, чем переходные: в значении всех непереходных употреблений присутствует общий компонент, которого нет у переходных употреблений. Как видно из примеров (38б), (39б), (40с), (41б), почти все они обозначают активное

⁹ Именно в силу того, что соотношение переходного и непереходного употреблений лабильных глаголов в русском языке нерегулярно, зачастую переходный и непереходный глагол *высыпать*, переходный и непереходный *катить* считают разными лексемами и, например, соответствующим образом подают в словарях.

поступательное движение агентивного субъекта (за исключением глагола *кружить*).

В этой связи можно считать, что при переходе от переходного к непереходному употреблению существенны именно конструкционные ограничения. В русском языке лабильные глаголы подчиняются правилу, связанному с общими свойствами непереходного употребления (= с «продуктом» немаркированного преобразования), – их непереходные употребления обычно имеют агентивный субъект.

4.7. Шкала «ориентация на источник – ориентация на продукт» и выражение взаимности

Как уже было показано выше, противопоставление обобщения, ориентированного на источник vs. ориентированного на продукт, не бинарно. Многие (в действительности – практически все) актантные преобразования сочетают в себе ориентацию на источник и на продукт и описываются даже более чем двумя правилами. Возьмём для примера взаимную конструкцию с циркумфиксом *пере-...-ся*:

(42) *Мальчики перекидывались мячом.*

(43) *Мы перешёптывались (*всякими глупостями) и боялись зажечь свет.*

Описание этой конструкции требует и ограничения на продукт, и ограничения на источник:

- I. Ограничение на источник деривации: конструкция, как правило, не образуется от переходных глаголов, у которых и субъект, и прямой объект одушевлённые (**перещипываться*, **перечеловываться*). Как правило, у исходного глагола одушевлёнными являются субъект и не прямой объект. Глагол *переругиваться* в (48), возможно, является исключением из данного правила, однако неясно, образована ли конструкция в (48) от *ругаться*.
- II. Ограничение на продукт деривации: независимо от поверхностного выражения при исходном глаголе, при реципроке периферийный аргумент отсутствует.

- (44) *Папа поглядел на меня – Мы переглянулись / Переглядывались*
- (45) *Он прошёл мимо, что-то коротко бросив мне – Они перебрасывались скучными фразами*
- (46) *Вася что-то прошептал соседу по парте – Близкие знакомые отца с заметным недоумением перешёптывались (*чем-л.) при виде старушки. [sobytia.net.ua/archive,date-2009_03_16,article.../article.html]*
- (47) *Заключённые перестукивались* (у исходного глагола нет периферийного аргумента)
- (48) *Бригадир ругался на рабочих (ругал рабочих?) – Рабочие переругивались (*друг на друга).*

Как видно, в (44) аргумент присоединяется к исходному глаголу с помощью предлога *на*, в (45) и (46) является дативным объектом, в (47) отсутствует вообще, в (48) установить исходную конструкцию невозможно. Однако общее ограничение на конечный вид конструкции «стирает» все эти аргументы (например, группу с *на* в (44)). Существенно, что данный аргумент не может быть выражен даже в составе взаимной группы типа *друг на друга* в (44).

Отметим, что взаимные употребления постфикса *-ся* не в составе циркумфиксов не обладают подобным свойством. Дериваты типа *обняться, встретиться, увидеться* возможны, только если при исходном глаголе один из участников взаимного отношения выражен **подлежащим**, а другой – **прямым дополнением**. От **непереходных глаголов с косвенным объектом** бесприставочный реципрок на *-ся* не образуется.

Не вполне ясно положение среди глаголов с *пере-...-ся* лексем *перекидываться* в (42) и *перебрасываться* в (45). Можно считать, что при них в нарушение общего правила сохраняется косвенный объект в творительном падеже (тогда исходными будут считаться глаголы *кидаться* и *бросаться*, ср. *кидаться мячом, такими словами не бросаются*), а можно считать, что прямой объект исходного переходного глагола преобразуется в косвенный (тогда исходными считаются глаголы *кидать* и *бросать*).

Аналогичными смешанными свойствами обладает **реципрок с префиксом *взаимо-***. Он тоже ориентирован и на источник, и на продукт деривации. С одной стороны, имеется правило, связанное с продуктом деривации: при нефинитных формах (причастиях) *-ся* или *друг друга* всегда можно опустить:

- (49) *взаимоисключающие явления*
взаимоуничтожающие частицы
взаимозависимые страны
взаимосвязанные явления

Как видно, в первых двух примерах исходные предикаты переходны (*исключать X, уничтожать X*), во вторых двух – непереходны (*зависеть от X, быть связанным с X*). Основной в любом случае является безобъектная конструкция.

В то же время при финитных глаголах используется деривационный механизм: использовать *взаимо-* без *друг друга* или *-ся* невозможно, если исходный глагол является переходным:

- (50) *Частицы взаимодействуют / взаимодействуют друг друга / *взаимоуничтожают.*

По-другому дело обстоит при непереходных глаголах. Хотя они сравнительно редко образуют форму на *взаимо-*, в существующих примерах глагол не обязательно требует *друг друга* или *-ся*:

- (51) *О том, как взаимовлияют новые технологии и новые медиа...* [vk.com/wall-8458649_108024]

Тем самым, преобразование сохраняет деление на синтаксические классы глаголов. От переходных и от непереходных глаголов конструкция с *взаимо-* образуется по-разному.

Даже в очень похожих по сути механизмах роль правил, ориентированных на источник vs. на продукт, часто различна. Например, рассмотрим три русских циркумфикса: *до-...-ся, на-...-ся* и *раз-...-ся*. Все они не ориентированы на источник деривации в чистом виде, так как образуют непереходную (как правило, одновалентную) конструкцию независимо от модели управления

исходного глагола. Однако *раз-...-ся* всё же обычно присоединяется к непереходным глаголам и только изредка к переходным: ср. невозможное **разрисовался*, маргинальное *распродавался*. Следовательно, действует ограничение на **источник деривации**.

Процессы, маркированные циркумфиксами *до-...-ся* и *на-...-ся*, подобных ограничений не имеют — именно они в наибольшей мере ориентированы на продукт деривации: ср., например, *дорисоваться (до тюрьмы)*, *допродаваться (до полного обнищания)* и т. д. Иначе говоря, обобщается правило, что продуктом деривации *до-...-ся* является возвратный глагол с актантом-Последствием. Возвратность исходного глагола не нужна.

Сопоставление трёх русских механизмов позволяет дать противопоставлению, введённому Байби [Bybee 1995], более строгое осмысление. В математических терминах степень ориентированности на источник — это отношение числа классов, полученных на выходе, к числу классов исходных глаголов, с которыми сочетается конструкция¹⁰. Естественно, у дериваций, ориентированных только на источник, оно может быть равно одному. Напротив, при росте ориентации на продукт соотношение (мера ориентированности на источник) уменьшается: продукт деривации становится единообразным, а значит, конечных классов меньше, чем исходных.

Именно на материале близких, но различных между собой механизмов вроде русских циркумфиксов в полной мере проявляется необходимость учитывать оба класса ограничений. Без этого мы не сможем показать разницу между похожими механизмами типа *до-...-ся*, *у-...-ся* и *на-...-ся*.

Ниже мы обсудим ещё более сложный случай, когда в конкуренцию конкретных правил, ориентированных на источник vs. на продукт, вмешиваются общезыковые правила.

¹⁰ Например, для *на-...-ся* степень ориентированности на источник будет больше, чем у *до-...-ся*, поскольку *на-...-ся* допускает выражение исходного объекта: *начитался книг*, в отличие от *до-...-ся* (**дорисовался картин до того, что сошёл с ума*). В этом смысле *до-...-ся* полностью ориентировано на продукт, так как не учитывает наличие у исходного глагола прямого или непрямого объекта.

5. Правила, ориентированные на продукт деривации, и общезыковые ограничения. Возвратные глаголы и переходность

Итак, как мы выяснили, правила, ориентированные на источник vs. на продукт, постоянно конкурируют между собой и тесно переплетаются даже в рамках одного процесса. Однако ситуация может становиться ещё сложнее. В применение правил, ориентированных на продукт, могут вмешиваться общезыковые ограничения, мешающие привести конечную конструкцию к требуемому виду.

Мы проиллюстрируем этот класс явлений случаями, когда некоторая деривация делает глагол переходным. При этом неизбежная проблема возникает при применении этого показателя к возвратным глаголам. Возвратность вроде бы должна сохраниться при деривации, а возвратные глаголы по **общему синтаксическому правилу** русского языка непереходны¹¹. Посмотрим, как разного рода правила деривации могут вести себя с данным общим ограничением.

1. Применяется правило, ориентированное на продукт деривации, возвратный показатель уничтожается, общее синтаксическое правило соблюдается с помощью усечения возвратного показателя

В первом случае применяется правило, ориентированное на продукт деривации: производный глагол должен быть переходным и невозвратным, независимо от свойств исходной лексемы.

Для соблюдения правила, ориентированного на продукт, в первом классе случаев префиксация может переводить глагол из одного класса (возвратного) в другой (переходный невозвратный). Примером может служить употребление

¹¹ Примеры типа *бояться Васю, слушаться маму, дожидаться сестру*, безусловно, существуют в современном языке. Однако глаголы такого рода немногочисленны на фоне непереходных возвратных глаголов и не отменяют общей тенденции.

приставки *вы-* в значении «полной затронутости объекта ситуацией»:

(52) *В редакции меня выругали* (Ю.О. Домбровский. Хранитель древностей).

(53) *Пока старик тер чистой рукой конверт, дождь вымочил его макушку* <...>. [Марина Бонч-Осмоловская. День из жизни старика на Бёркендейл, 42 // «Звезда», 2002]

Ограничение на продукт деривации требует, чтобы дериват на *вы-* был переходным. При глаголе *смеяться* это ограничение приводит к потере возвратного постфикса:

(54) *Каждая из сторон пыталась высмеять другую* (журнал «Народное творчество»).

Модель, ориентированная на продукт, в данном случае обобщается даже на возвратные лексемы. Это означает, что как раз обобщение, связанное с источником деривации, для дериватов на *вы-* непригодно (при части глаголов появление приставки *вы-* не меняет морфологии исходного глагола, при части уничтожает *-ся*).

Аналогичное уничтожение постфикса *-ся* может возникать при присоединении приставки *за-* в случаях типа *заругать, захвалить* (ср. дериват *засмеять*) и *о(б)-* в случаях типа: *обругать, охаять, осмеять*.

2. Применяется правило, ориентированное на продукт деривации, общее синтаксическое правило запрещает деривацию от возвратных глаголов

При некоторых других процессах аналогичного уничтожения *-ся* не происходит. Например, приставка *пере-* в значении полного покрытия пути создаёт глаголы с вариативным управлением: путь может быть выражен прямым дополнением или дополнением с предлогом *через*:

(55) *Я перешёл дорогу / через дорогу.*

Однако при возвратных глаголах возможен только вариант с предлогом *через*:

(56) *Мяч перекатился через дорогу / *дорогу.*

Тем самым, при дериватах с приставкой *пере-* правило, ориентированное на продукт деривации (конечный глагол демонстрирует вариативность: он может иметь либо прямое, либо предложное дополнение), оказывается слабее, чем свойства основы (возвратность). Из непереходности возвратных глаголов вытекает способность глагола *перекатиться* управлять только предложным дополнением.

3. Применяется правило, ориентированное на продукт, общее синтаксическое ограничение нарушается

Есть и третий путь взаимодействия правил при префиксации возвратных глаголов. Это нарушение общего синтаксического правила.

Рассмотрим конструкцию *своё от-* (*Ты своё отгулял*). По правилу, ориентированному на продукт деривации, производный глагол на *от-* имеет аккузативное зависимое *своё*, точный статус которого (объектный vs. сирконстантный) неясен. Проверить свойства *своё* с помощью общепринятых тестов на прямообъектный статус затруднительно: конструкция *своё от-* плохо поддаётся синтаксическим трансформациям, например, пассивизации.

Маркирование *своё* винительным падежом обязательно и не зависит от модели управления исходного глагола (ср. *Я своё отучил* – исходный глагол переходный – и *Я своё отгулял* – исходный глагол непереходный).

Однако может нарушаться общее синтаксическое правило непереходности возвратных глаголов:

(57) *Все свое отмаялись и померли, один только я остался и маюсь!* [В. М. Дорошевич. Сахалин (Каторга) (1903)]

В (57) нарушается правило непереходности возвратных глаголов. Отметим, что возможен, хотя и маргинально, альтернативный вариант деривации по сценарию 1 (см. пример

(54). В предложении (58) усекается *-ся*, присутствующего в исходном глаголе *смеяться*:

(58) *А этот в галстуке свое уже отсмеял...*
[zakir05.livejournal.com/86481.html?thread=1157841]

Вывод состоит в том, что ограничения на продукт часто являются проблемой для языка, поскольку нарушают общие синтаксические правила. И в части случаев они способны победить эти общие правила.

6. Ориентация на продукт и на источник деривации в синтаксисе других языков

Оппозиция, введённая Дж. Байби, полезна не только при описании русского синтаксиса, но и при анализе синтаксических явлений в других языках. Приведём лишь два примера.

В калмыцком языке, как показано в [Выдрина 2009], показатель пассива может выполнять две функции. Во-первых, он может маркировать собственно пассив (понижение синтаксической роли агенса до агентивного дополнения), как в (59), во-вторых, добавлять к значению непереходных пациентивных глаголов пассивный компонент ('ситуация возникла не сама по себе, а является результатом другой ситуации'), как в (60). К примеру, глагол *untrə-* 'гаснуть' с показателем **-gdə-** означает 'гаснуть по чьей-л. вине, из-за чего-л.'.

(59) a. *Badma üüdə sekə-v.*
Бадма дверь открывать-PST
'Бадма открыл дверь'.

b. *üüdə-n Badm-ar sekə-gdə-v.*
дверь-EXT Бадма-INS открывать-PASS-PST
'Дверь была открыта Бадмой'.

(60) a. *tüümər untrə-v.*
пожар гаснуть-PST
'Пожар погас'.

b. *xur or-ad, üümər untrə-gdə-v.*
дождь входит-CV.ANT пожар гаснуть-PASS-PST

‘Прошел дождь, и пожар погас’.

Подход, ориентированный на источник деривации, вынуждает рассматривать эти деривации как разные типы преобразований: залог (59) и повышающую актантажную деривацию, при помощи которой к ситуации добавляется участник с ролью Агенса или Причины (60). По всей вероятности, объединяет их именно свойство продукта деривации: пассивный дериват должен иметь субъект-Пациенс и актанта с ролью Агенса или Причины. При этом неважно, является исходный глагол переходным или непереходным, повышается при преобразовании синтаксическая позиция Агенса / Причины или остаётся неизменной.

Аналогичным образом устроены употребления нескольких адыгейских показателей: бенефактива, инадвертитива и малефактива: приведём пример на бенефактив.

(61) a. *Se txəl-xe-r s-š'efə-ve-x.*
я книга-PL-ABS 1SG.A-купить-PST-PL
‘Я купил книги.’

b. *Se č'ale-xe-m txəl-xe-r*
я мальчик-PL-OBL книга-PL-ABS
a-fə-s-š'efə-ve-x.
3PL.IO-BEN-1SG.A-купить-PST-PL
‘Я купил мальчику книги.’

(62) a. *č'ale-xe-m bukve-xe-r*
мальчик-PL-OBL буква-PL-ABS
a-λeβ_wə-(xe)-r-ep.
3PL.A-видеть-PL-DYN-NEG
‘Мальчики не видят буквы.’

b. *č'ale-xe-m bukve-xe-r*
мальчик-PL-OBL буква-PL-ABS
a-fə-λeβ_wə-(xe)-r-ep.
3PL.IO-BEN-видеть-PL-DYN-NEG
‘Мальчики не могут видеть буквы.’

Необходимо отметить, что аргументы глагола в адыгейском языке выражаются не только именными группами (ИГ, в том числе и аргументные, часто опускаются), но и

согласовательными префиксами. Согласование контролируют подлежащее, прямое и непрямоe дополнение. Непрямоe дополнение никогда не является ингерентным для исходного глагола – оно всегда вводится некоторым префиксом актантной деривации. Одним из таких префиксов, вводящих непрямоe дополнение, является бенефактивный показатель *fe-*.

У бенефактивного префикса есть собственно бенефактивное употребление (61b), которое добавляет к модели управления глагола непрямоe объект, в данном примере выраженный в глаголе показателем третьего лица множественного числа *a-*.

Напротив, в (62b) показатель бенефактива выступает в значении потенциалиса (от глагола со значением ‘P’ образуется производный глагол ‘мочь P’). В этом примере агенс исходного глагола переходит в глагольной форме в позицию непрямоe дополнение при бенефактивном префиксе и также выражается показателем *a-* непосредственно перед ним.

Тем самым, в (61b) мы имеем дело с повышающей актантной деривацией, добавляющей к структуре глагола непрямоe объект.

Напротив, в (62b) преобразование близко по своей сути к залогу: оно понижает переходность глагола (структура выглядит примерно как ‘буквы не видны мальчикам’, где исходный Агенс является непрямым дополнением), но не меняет количества актантов или их референции. Общей чертой этих двух различных преобразований является то, что структура на выходе должна содержать непрямоe объект. Тем самым, мотивировка того, что два преобразования совмещаются в одном и том же префиксе *fe-*, может быть только ориентированной на продукт деривации. Однако с исходной моделью управления эти две структуры соотносятся по-разному.

7. Почему существуют оба типа правил

Рассмотренный материал ставит перед нами важный вопрос: почему вообще существуют явления двух типов? Почему часть синтаксических преобразований, существующих в языке, ориентированы на исходный вид конструкции и процесс деривации, а часть – на конечный продукт?

Естественно предположить, что для одних типов дериваций в силу их семантики и актантных преобразований, которые они предполагают, естественно ориентироваться на источник, а для других – на продукт. На сегодняшний день мы не располагаем правилами или тенденциями, объясняющими, какие деривации чаще ориентированы на источник, а какие – на продукт, но выскажем некоторые предположения.

Вначале возьмём предельные случаи, которые практически во всех языках естественно рассматривать как деривации, ориентированные на источник. Это каузативы и многие другие типы актантной деривации. Данные преобразования напрямую зависят от структуры исходного глагола: собственно говоря, их функция и состоит в том, чтобы добавить или удалить тот или иной аргумент глагола.

В то же время, как мы видели, для описания широких классов явлений может быть более удобен подход, ориентированный на продукт. Хотя функция пассива едина – это маркирование низкого морфосинтаксического статуса агенса, — группа употреблений пассивного показателя может быть организована именно вокруг конечного продукта преобразования.

Вместе с тем, данная оппозиция связана и с синтаксисом. Часть синтаксических преобразований «накладываются» на классы глаголов, не объединяя их, другие изменяют набор подклассов. Очевидно, к примеру, что многие преобразования, добавляющие к модели управления периферийные аргументы, скорее всего будут ориентированы на источник: на набор ядерных аргументов они никак не влияют¹²:

- (63) *идти – выйти из здания*
бежать – выбежать из сада
нести сумку – вынести сумку из магазина

Как правило, такие деривации одинаковым образом взаимодействуют с разными классами глаголов, вне зависимости от их переходности.

¹² Впрочем, исключением является деривация, образующая глаголы сциркумфиксом *до-...-ся*: добавляя не прямой объект с семантической ролью Последствия, они, кроме этого, элиминируют прямой объект.

Однако если в синтаксическом механизме тем или иным образом участвуют ядерные аргументы, его взаимодействие с подклассами глаголов становится более сложным. К примеру, приставка *пере-* по-разному взаимодействует с переходными и непереходными глаголами:

- (64) *идти* – *перейти (через) дорогу*
бежать – *перебежать (через) дорогу*
вести – *перевести старушку *(через) дорогу*
нести – *перенести чемодан *(через) дорогу*

Иными словами, на правило, ориентированное на источник деривации («участник с ролью Путь становится при производном глаголе обязательным актантом и занимает позицию объекта или дополнения при предлоге *через*»), накладываются ограничения на продукт («конструкция не должна иметь больше одного объекта»).

Преобразования, повышающие ядерный аргумент, тоже чаще всего ориентированы на продукт деривации (ср. *из-* в употреблении, обозначающем полный охват ситуацией объекта). Поскольку русский язык не имеет канонического аппликativa, такие преобразования всегда мотивированы семантикой, не связанной напрямую с актантной структурой (например, полным покрытием пути в (64)), а синтаксический эффект вторичен.

Интересен вопрос о соотношении синтаксических механизмов, ориентированных на исходную точку и на продукт деривации, в истории языка. Согласно теории грамматикализации, сочетаемость грамматализующихся языковых единиц с течением обычно расширяется. Так, по [Comrie 1976], показатель результата, сочетающийся только с ситуациями, у которых есть «естественный результат», склонен превращаться в показатель перфекта и начинать обозначать результат любой ситуации.

Априори кажется, что такая тенденция к расширению продуктивности может привести к любому типу преобразования – и ориентированному на исходную точку деривации, и ориентированному на продукт. То, какой тип преобразования возникнет в конкретном случае, напрямую зависит не только от сущности преобразования, но и от системы языка. Например,

если язык, подобно русскому, не может или почти не может иметь два прямых объекта в одной конструкции, то на продукт повышающей деривации накладываются конструкционные ограничения: конструкция с *пере-* всегда переходна и имеет один прямой объект. В этом смысле конструкция – путь наименьшего сопротивления для тех случаев, где ресурсы языка ограничены: за счёт нарушения регулярности механизма система может избежать недопустимых структур.

Что касается относительного порядка возникновения двух типов явлений, то засвидетельствованы переходы от преобразований, ориентированных на источник деривации, к ориентированным на продукт (ср., например, [Аркадьев 2009] о таком переходе в литовском языке). Необходимы дополнительные данные, но на сегодняшний день обратный переход кажется маловероятным. При ограничениях, ориентированных на продукт, сам ход преобразования не всегда столь же единообразен, как при правилах, ориентированных на источник (способы «отсечь лишнее» и привести продукт деривации к нужному виду могут быть очень многообразны). В этом смысле их «обратная грамматикализация» в деривации, ориентированные на источник, маловероятна (хотя, возможно, деривации, ориентированные на продукт, со временем могут просто утрачиваться).

Тем самым, ориентация на продукт деривации часто возникает в случаях, когда некоторое преобразование вносит существенный вклад в семантику глагола и уже во вторую очередь меняет синтаксическую структуру (впрочем, мы не можем утверждать, что именно так происходит всегда). Часто оказывается, что язык приспособливает под свою систему нестандартные синтаксические преобразования.

Ориентация на продукт деривации может возникать и в том случае, когда деривация сопряжена с определёнными коммуникативными процессами – впрочем, точный класс таких процессов явно требует дальнейшего изучения. Если преобразование, например, добавление циркумфикса *до-...-ся*, предполагает, что аргумент глагола упомянут ранее или присутствует в коммуникативной ситуации и выводим из неё, то возможно, что конечная структура уже не будет его содержать

(ср. *Допереключаешься* и невозможное **Допереключаешься телевизора / телевизором*). Аналогичным образом, конструкция угрозы типа *Я тебе погуляю!* обычно не содержит дополнений не в последнюю очередь потому, что слушающий уже знает, какими они были бы, – а ключевую роль для ситуации угрозы играют вовсе не объекты исходного глагола, а субъект и адресат угрозы.

Отметим, что наши результаты легко можно объяснить конкуренцией двух тенденций, противоречащих друг другу:

- стремление языка к регулярным механизмам (благоприятно для возникновения дериваций, ориентированных на источник).

- стремление языка к регулярной конструкции (благоприятно для возникновения дериваций, ориентированных на продукт).

И та, и другая тенденция – это проявления стремления говорящих к регулярности языка. С одной стороны, действует тенденция к регулярности языковых механизмов, с другой, стремление к регулярности устройства синтаксических конструкций (или, если говорить шире, языковых единиц вообще).

Стремление к регулярным механизмам объясняется тем, что говорящие стремятся вывести огромный массив производных конструкций из небольшого числа исходных (иначе говоря, ограничение связано с невозможностью отдельно хранить в памяти исходные и производные структуры).

Напротив, стремление к единообразности продукта объясняется ограниченностью грамматических структур языка (говорящие не могут хранить в памяти бесконечное число типов синтаксической структуры, и язык стремится свести эти типы к нескольким наиболее распространённым, например, к конструкции с непереходным одновалентным или двухвалентным переходным предикатом). При этом идеально удобен случай, в котором производные единицы не существуют как особый класс объектов – они полностью совпадают по свойствам с производными и не требуют для своего осмысления обращения к каким-либо дополнительным операциям. Бесконечная синтаксическая сложность делает

предложение трудным для восприятия, даже если теоретически язык позволяет наращивать «до бесконечности» число аргументов глагола.

8. Заключение

В данной статье мы выяснили, что понятия правила, ориентированного на исходную структуру, и правила, ориентированного на продукт деривации, стандартно используемые в морфологических и фонетических исследованиях, применимы к синтаксису. Как выяснилось, актантные деривации неоднородны: одни из них преобразуют актантную структуру глагола одним, строго определённым образом (ориентация на источник), другие действуют по-разному, в зависимости от свойств исходного глагола, а их «целью» является получить строго определённую структуру на выходе (ориентация на продукт).

На сегодняшний день неясно, можно ли предсказать, будет некоторое преобразование ориентировано на источник или на продукт. Вероятно, это определяется сложным взаимодействием семантики деривации, свойств показателя и языковой системы. Однако существует некоторое ядро, где находятся бесспорные деривации: например, в него входят декаузативное или пассивное употребления постфикса *-ся*. Важный результат состоит в том, что в класс дериваций, ориентированных на источник, входят также большинство локативных употреблений русских приставок: как правило, они не рассматриваются как деривации, но на самом деле их механизм действия аналогичен версии в кавказских языках: они всегда добавляют к глаголу обязательный периферийный объект.

В более общей перспективе разделение преобразований, ориентированных на источник vs. на результат, важно в том смысле, что позволяет описать процессы, где сочетаются свойства конструкции и деривации. Для них выбор одного из подходов упрощает реальную картину и не учитывает всей полноты их свойств.

Отметим и тот факт, что ограничения на продукт деривации неоднозначно соотносятся с общими, системными синтаксическими ограничениями. С одной стороны, эти

ограничения могут быть своего рода фильтром, отбраковывающим «плохие», «неестественные» структуры (например, структуры с двумя прямыми дополнениями при деривациях аппликативного типа). С другой стороны, в части случаев единообразие продукта натывается на препятствие в виде общих ограничений (например, на правило непереходности возвратного глагола). Это противоречие может решаться системой языка по-разному – победу может одерживать либо общее правило, либо ограничение на продукт деривации.

Литература

Аркадьев П.М. 2009. О семантике одного непродуктивного морфологического противопоставления в глагольной системе литовского языка. Доклад на межвузовской конференции Ломоносовские чтения, секция баллистики, филологический факультет МГУ. Москва, 16 апреля 2009 г.

Воейкова М.Д. Конструкции с личными местоимениями в контактной позиции. Доклад на конференции «Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы». Санкт-Петербург, 2013.

Выдрина А.В. 2009. Употребление показателя пассива в калмыцком языке // Сай С.С., Баранова В.В., Сердобольская Н.В. (ред.). *Исследования по грамматике калмыцкого языка*. СПб.: ИЛИ РАН. С. 347-386.

Добрушина Е. Р., Пайар Д. 2001. *Приставочная парадигма русского глагола: семантические механизмы*. М.: Русские словари.

Кронгауз М.А. 1998. *Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика*. М..

Летучий А.Б. 2007. Русский «угрозатив» и его родственники // Труды конференции «Диалог-2007». М.: РГГУ.

Мельчук И.А. 1995. Об одном словообразовательном аффиксе и об одной синтаксической фраземе современного русского языка // Мельчук И. А. *Русский язык в модели «Смысл - Текст»*. М.–Вена: «Языки русской культуры». С. 325-346.

Мельчук И.А., Холодович А.А. 1970. К теории грамматического залога // *Народы Азии и Африки*, № 4.

Нессет Т. Объяснение того, что не имело места: блокировка суффиксального сдвига в русских глаголах. Вопросы языкознания, 2008, №6.

Плунгян В.А. 2001. *Общая морфология*. М.: Едиториал УРСС.

Сай С.С. 2010. Два подхода к семантике русских рефлексивных глаголов // Выдрин В.Ф., Дмитренко С.Ю., Заика Н.М., Сай С.С., Сумбатова Н.Р., Храковский В.С. (ред.). *Проблемы грамматики и типологии. Сборник статей памяти В.П. Недялкова*. М.: Знак. С. 303-318.

Becker M., Gouskova M. Source-oriented generalizations as grammar inference in Russian vowel deletion. In press. 2012.

Boas H.C. 2008 "Determining the structure of lexical entries and grammatical constructions in Construction Grammar," *Annual Review of Cognitive Linguistics* 6. P. 113-144.

Boas H.C. To appear. "Leaking Argument Structures in Construction Grammar" // Fried M., Östman J.-O.(eds.), *Pragmatics in Construction Grammar and Frame Semantics*. Amsterdam & Philadelphia: Benjamins.

Bybee J. Regular morphology and the lexicon. *Language and cognitive processes*. 10.5. 425-455. 1995.

Comrie B. 1976. *Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems*. Cambridge: CUP.

Comrie B. and M. Polinsky (eds.). 1993. *Causatives and transitivity*. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins.

Fillmore, Ch., P. Kay and M.C. O'Connor. 1988. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: the case of 'let alone.' // *Language* 63(3). P. 501-538.

Gerritsen N. 2002. Russian reflexive verbs. In search of unity in diversity. Atlanta & Amsterdam: Rodopi.

Kapatsinski V. Experimental evidence for product-oriented generalizations: Testing the shape of the grammar. Paper presented at 8th High Desert Linguistics Society Conference, Albuquerque, NM, November 6-8. 2008. (Kapatsinski 2008a).

Kapatsinski V. Experimental evidence for product-oriented generalizations. Paper presented at the Linguistic Society of America Annual Meeting, San Francisco, CA, January 8-11. 2009.

Kapatsinski V. Product-oriented generalization over the (artificial) lexicon. Poster presented at the 6th International Conference on the

- Mental Lexicon, Banff, Alberta, Canada, October 7-10. 2008. (Kapatsinski 2008b).
- Kapatsinski V. Product-oriented vs. source-oriented generalization in miniature artificial languages. Poster presented at Laboratory Phonology 12, Albuquerque, NM, July 8-10. 2010.
- Klaiman M.H. 2005. Grammatical voice. *Cambridge studies in linguistics* 59. Cambridge: CUP.
- Kulikov L.I., Sumbatova N.R. 1993. Through the looking-glass, and how causatives look there // Comrie B., Polinsky M. (eds.). *Causatives and transitivity*. Amsterdam & Philadelphia: Benjamins. P. 327-342.
- Levin B., Rappaport Hovav M. 1993. *Unaccusativity: At the Syntax-lexical semantics Interface*. Cambridge (Mass.): MIT Press.
- Peterson D.A. 2007. *Applicative constructions*. Oxford: OUP.
- Pinker S. 1991. Rules of Language. *Science* 253. P. 530–535.
- Shibatani M. (ed). 2002. *The grammar of Causation and Interpersonal manipulation*. Amsterdam & Philadelphia: Benjamins.
- Shopen T. (ed.). 1993. *Language typology and syntactic description*. Volume 3. *Grammatical categories and the lexicon*.
- Smith B. -(i)licious: a case of product-oriented allomorphy. Poster presented at the 21st Manchester Phonology Meeting, Manchester, UK. 2013.